

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской
академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

ЛУБОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОСТРОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В БЫЛИНАХ

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются фантазийные (выдуманые) топонимы, проникающие в былины на позднем этапе их развития, что является отражением затухания в песенном эпосе функции исторической памяти. Эффективным источником фантазийных топонимов стала рукописная традиция повестей и их лубочных изданий (переделок). В области пространства в былинах прочитываются следы «Повести об Андрее Критском», «Повести о Еруслане Лазаревиче», «Повести о Бове-королевиче», «Гистории о российском матросе Василии Кориотском». Этот факт в очередной раз свидетельствует о взаимопроницаемости устной и письменной составляющих в традиционной культуре русского народа. Фантазийные топонимы, порожденные лубочной литературой, образуют пространство не только былин-новообразований («Подсолнечное царство», «Женитьба Пересмякина племянника», «Рында», «Гарвес», «Еруслан Лазаревич»), но и становятся элементами пространства традиционных сюжетов («Козарин», «Иван Годинович», «Волх Всеславьевич», «Вольга и Микула», «Василий Игнатьевич и Батыга», контаминация былин о Добрыне: «Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем», «Добрыня и Алеша» и «Добрыня и Змей»).

К л ю ч е в ы е с л о в а : былины, пространство в былинах, былинные топонимы, древнерусские повести, лубочные сказки

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванова Т. Г. Лубочная литература и ее влияние на построение пространства в былинах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 58–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.887

ВВЕДЕНИЕ

Пространство русского эпоса, при всех мифологических основах былин и условности основных сюжетов (Илья Муромец пленяет чудовище Соловья-разбойника, от свиста которого погибают люди; Добрыня Никитич бьется со Змеем, пышущим огнем; Алеша Попович убивает Тугарина Змеевича, который умеет летать; Илья один сражается со всем татарским войском и т. д.), весьма узнаваемо. Это Киев, Чернигов, Муром, Рязань, Ростов, Галич, Новгород, Днепр, Волхов, Хвалынское (Каспийское) море, Верейское / Вирианское (Балтийское) море и т. д., то есть пространство Древнерусского государства, а также зарубежья – Золотая Орда (Орда), Литва, Иерусалим, Индия и пр. Все это многообразие топонимов свидетельствует о широте географических представлений творцов былин и о глубине исторической памяти эпоса. Однако на позднем этапе жизни былин историческая память жанра начинает угасать и в песенном эпосе появляются фантазийные (выдуманые) топонимы, отдельные механизмы возникновения которых мы и попытаемся рассмотреть.

Наиболее эффективным способом создания фантазийных топонимов оказывается опора на рукописную повесть и лубочную литературу. Утрата былинной традицией функции исторической памяти проявляется в смыкании эпического пространства с пространством древнерусских рукописных повестей и производных от них лубочных повестей и сказок.

На Пинеге в одном из вариантов «Козарина» имеется *земля Критское*, откуда, как заявляет спасенная полонянка, она родом: «Я *земли Критское*, роду-племени богатырского» (Былины Пинегы, № 88, ст. 30; сказитель Василий Кокорин из д. Кеврола)¹, при этом собиратель А. Д. Григорьев делает следующее пояснение: «Название земли появилось, конечно, под влиянием сказания об Андрее Критском» (Былины Пинегы. С. 636). Рукописная «Повесть об Андрее Критском» основана на популярном в разных формах литературы и фольклора Эдиповом сюжете²: отцу героя предсказано, что сын убьет его и женится на своей матери; родившегося младенца мать приказывает привязать к доске и от-

править в море; его спасают монашенки, которых он, войдя в возраст, растлевает; затем герой появляется в Крите, нанимается сторожить виноградник своего неузнанного отца и убивает его, приняв за вора; после этого Андрей женится на своей матери, но та, признав по шраму в нем сына, отправляет его каяться; три исповедника не дают герою отпущения грехов, и он их убивает; епископ накладывает на Андрея покаяние – долгое сидение в погребе; в конце концов раскаявшийся герой освобождается из погреба и, получив прощение, становится епископом Крита. Эдипов сюжет в этом произведении, считающемся оригинальным русским памятником (XVI век), связывается с именем византийского церковного писателя и православного святого Андрея, архиепископа Критского (VII–VIII века), чье каноническое житие не имеет ничего общего с коллизией Повести³. Источником Повести, скорее всего, является одно из духовных произведений архиепископа Андрея о безымянном герое – «Великий покаянный канон», читающийся в церкви в четверг пятой недели Великого поста. Основная идея канона связана с представлением о всеисильности раскаяния даже самых больших грешников. Текст Повести в краткой и распространенной редакциях дошел до нашего времени в 47 списках XVI–XIX веков. Один из списков начинается предложением: «Бѣ град Крит, и в том градѣ бѣ некий купецъ именем Поуливачъ» (Повесть об Андрее Критском. С. 270), где обозначен топоним, заинтересовавший пинежскую былинную традицию.

Отметим, что «Повесть об Андрее Критском», в отличие от «Повести о Бове» и «Повести о Еруслане Лазаревиче», о которых мы будем говорить далее, не нашла отражение в лубочной литературе, которая была посредником между рукописной повестью и устной традицией. Тем не менее сюжет Повести оказался привлекательным для фольклора, где христианская идея покаяния исчезла, а на первый план вышла занимательность рассказа. В форме сказки (СУС 931 «Кровосмеситель (Андрей Критский)») повесть зарегистрирована в фольклоре всех трех восточнославянских народов. Устные сказочные варианты сюжета рассмотрены М. Н. Климовой и В. Л. Кляусом [7], [11].

Таким образом, механизмы появления в пинежской былине о Козарине топонима *земля Критское* следующие: Повесть об Андрее Критском → ее устные сказочные варианты → топоним в былине. Тема инцеста, разворачивающаяся в Повести, в сознании крестьян была соположена с былинной о Козарине, которая также строится на этом древ-

нем мотиве: герой, как известно, после спасения не узнавшей им сестры предлагает ей брачные отношения, но эпос не допускает инцеста, который мог бы дискредитировать образ богатыря, сражающегося с врагами Руси⁴. Общий мотив инцеста и стал основанием для использования пинежскими сказителями топонима *земля Критская* в сюжете о Козарине.

В пинежской традиции в одном из вариантов того же сюжета о Козарине мы находим топоним *Флоринский город*. Козарин оказывается уроженцем этого города. Былинщица М. Е. Лобанова из д. Пильегоры начинает старину следующими строками: «Во Флоринском славном новом городе / У купца Петра, гостя богатого» (Былины Пинеги, № 77, ст. 1–2; см. также: ст. 103, 195 – в форме *Фралынский*). В отрывке, зафиксированном на фонограф, представлена форма *Фралыкский*: «Во Фралыкском было в новом городе» (№ 77а, ст. 1). Мы полагаем, что источником этого топонима могло быть еще оно произведение древнерусской литературы – «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» (о Гистории см. ниже). Флоренская земля – это, как следует из текста Повести, однозначно итальянский город Флоренция⁵.

Повторим еще раз, что появление топонимов *земля Критское* и *Флоринский город* в былине о Козарине, где подвиг богатыря заключается в борьбе с татарами (освобождение девушки-полонянки), свидетельствует о затухании исторической мысли в былинах. Пинежский материал эти процессы затухания демонстрирует наглядно. Местная традиция предлагает разные топонимы для родного города Козарина. *Чернигов (Чернигов, Цернилов)* (Былины Пинеги, № 78, 78а, 80) и *Галицин (Галичин)*; от былинного Галич; № 82, 82а) остаются в рамках классического былинного пространства. *Москва* (№ 85, 87) – это уже шаг к разрушению того пространства, которое создано русским эпосом. На Пинеге имеются варианты, в которых локус никак не обозначен (Былины Пинеги, № 79, 81, 83). И наконец, топонимы *земля Критское* и *город Флоринский* полностью вписываются в общую картину процессов выхолащивания в русском эпосе функции исторической памяти.

Источником для конструирования фантазийных топонимов в былинах является еще одно произведение древнерусской литературы – «Повесть о Бове королевиче»⁶. Сюжет о Бове впервые зарегистрирован в одной из частей французской поэмы «Французские короли» (XIV век). В своем пути на Русь Бова прошел следующие этапы:

Италия (народно-лубочные издания поэм и прозаических произведений о Бове) → Дубровник (сербский перевод), находившийся в XV–XVI веках под большим культурным итальянским влиянием → Белоруссия с ее восточнославянской культурой внутри Речи Посполитой, для магнатов которой в 1540-е годы была создана «Повесть о Бове» (так называемый познанский список) → русская рукописная «Повесть о Бове» (не позднее середины XVI века), претерпевшая трансформацию от рыцарского куртуазного романа к богатырской сказке → лубочные издания сказки о Бове (XVIII–XIX века) → устные сказки [13].

В. Д. Кузьмина выделила на русской почве пять редакций рукописной «Повести о Бове» (74 списка). В лубочных изданиях насчитывается 20 редакций (учтено 225 книжных изданий XVIII–XX веков). Имеются также «забавные листы» (лубочные картинки) с изображением персонажей и эпизодов из сказки о Бове (всего 88 изданий) [12], см. также: [19]. Устные варианты сказки – СУС 707В* «Бова-королевич» (16 русских вариантов). Один из выразительных устных вариантов – сказка А. Д. Ломтева из Пермской губернии «Боба-королевич» (Зеленин, № 18).

В сюжете Повести о Бове есть король Гвидон, правитель города Антона, отец Бовы; его неверная жена Милитриса и ее любовник Додон, которые убивают Гвидона; попытка убить мальчика Бову; верный дядька Бовы Симбалда, помогающий герою в его борьбе с Додоном и Милитрисой. Весь этот образный ряд находит место в русской литературе, в том числе и у А. С. Пушкина. Нам же важно указать на случаи влияния Повести (лубочной сказки) о Бове на топонимику былин. Обратим внимание на былинку «Женитьба Пересмякина племянника» сказительницы с Зимнего берега Белого моря Марфы Крюковой – известной любительницы чтения лубочной литературы. «Женитьба Пересмякина племянника» – это былина-новообразование, то есть произведение, сочиненное сказителем былинным стихом на основе внебылинных знаний. Как выяснил Н. В. Васильев⁷, эта старина Марфы Крюковой восходит к уже названной нами «Гистории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» – памятнику литературы времен Петра I, построенному по законам западноевропейского любовно-авантюрного романа. «Гистория» была научно осмыслена и опубликована по одному из списков Л. Н. Майковым⁸. В 1914 году «Гистория» в рамках задуманной Б. И. Дунаевым «Библиотеки старорусских повестей», предна-

значенной прежде всего для учащихся, была напечатана издательством И. Д. Сытина (Гистория о российском матросе 1914). Это издание не было лубочным в прямом смысле этого термина, но иллюстрировано оно было лубочными картинками с изображением персонажей из других произведений. Лубочных же изданий, то есть изданий, обращенных к самым широким слоям низовой читающей публики, «Гистория», кажется, не имела. Былина «Женитьба Пересмякина племянника» впервые была записана от Марфы Крюковой в 1901 году (повторная запись относится к 1939 году), то есть сказительница никак не могла пользоваться изданием Б. И. Дунаева. Тем не менее полагаем, что Марфа Крюкова могла познакомиться с сюжетом или по неизвестному нам рукописному варианту «Гистории», или по невыявленному пока лубочному изданию «Гистории».

По сюжету «Гистории», дворянский сын Василий Кориотский, по скудости жизни, записывается в Санкт-Петербурге в матросы и едет для обучения в Голландию; при возвращении в Россию корабль, на котором он плывет, разбивает буря, и герой оказывается на острове, где живут морские разбойники; Василий Кориотский вскоре становится разбойничьим атаманом; пленницей разбойников оказывается «флоренская королева» Ираклия, в которую Василий влюбляется и бежит с нею от разбойников; после ряда приключений герой женится на Ираклии и становится «королем флоренским».

Марфа Крюкова в былинке «Женитьба Пересмякина племянника» достаточно полно воспроизводит сюжет «Гистории», но изменяет именную и топонимическую часть. Так, ее герой именуется не Василий Кориотский, а Пересмякин племянник. Безымянный разбойничий остров, на котором оказывается Пересмякин племянник, получает имя – *Милитрийские острова*: «Подули-то верты неспособныя / Со тех остовов Милитрийских» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 32, ст. 24–25; см. также: ст. 71, 79; № 32в, ст. 35, 38, 90). Н. В. Васильев предполагает, что *Милитрийские острова* – это Мальтийские острова, встречающиеся в рукописных повестях: «Что же касается Милитрийских островов вместо безымянного острова повести, то это не что иное, как Мальтийские острова, весьма часто встречающиеся в наших повестях»⁹. Однако более убедительным нам представляется второе предположение Н. В. Васильева: «Искажению могло содействовать имя Милитрисы Кирбитьевны в популярнейшей повести о Бове Королевиче»¹⁰. В «Повести о Бове» Милитриса, повторим, – злая

и коварная мать Бовы, в результате преследований которой он был вынужден бежать из своего королевства и оказался на службе у короля Зензедея.

Топоним *Милитрийские (Мелетрийские, Милотрийские, Милотриски) острова* зарегистрирован и в других былинах Марфы Крюковой. Она создает топонимическое учение богатырей на *Милитрийских островах*, используемый ею в нескольких сюжетах. В старине «Волх Всеславьевич» Волх «премудрое ученье» проходит на *Милотрийских островах*: «Уезжал у нас Волх же Светославевич / На *Милотрийски-ти* уезжал *славны острова*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 1а, ст. 61–62). Эта же тема разворачивается и в былине «Вольга и Микула» – на *Милитрийских островах* учится Вольга: «Вот отправил его в ученьица восточныя, / На *Милотриски-ти* на славныя на *острова*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 2б, ст. 62; см. также: № 2в, ст. 846). Еруслан Лазаревич в неопубликованной былине-новообразовании Марфы Крюковой также обучается восточным премудростям на *Милитрийских островах* [18: 144–145].

Топоним *Милитрийские острова* был подхвачен сестрой Марфы Крюковой П. С. Пахоловой. В ее старине в сюжете «Василий Игнатьевич и Батыга» у «прехитрых-премудрых» учителей Васька-пьяница учится также на *Милитрийских островах*: «А когда отдал мя-ко родной батюшка, / Он учитце-то на славны *острова* же всё да *Милитрийския*...» (Былины Зимнего берега Белого моря, № 119, ст. 317–318). «Повесть (сказка) о Бове-королевиче», таким образом, стала почвой, на которой был сконструирован один из фантазийных топонимов былин Зимнего берега.

Из сказки о Бове рождается еще один былинный топоним – *царство Малобруново*. В сложной контаминированной мезенской былине сказителя В. П. Аникиева («Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем», «Добрыня и Алеша» и «Добрыня и Змей») Добрыня Никитич привозит подарочки для князя Владимира:

«Подарочки: еичко изумрудово,
Второ еичко брельянтово,
Из отдалённого *царства Малобрунова*»
(Былины Мезени, № 25, ст. 279).

Один из героев «Повести о Бове» *Маркобрун* был противником главного героя. Король Маркобрун из Задонского царства угрожает королю Зензедею сжечь его царство и требует себе в жены его дочь Дружневну. После ряда приключений Бова, живший у Зензедея на положении холопа, освобождает Дружневну накануне ее свадьбы с Маркобруном. Имя Маркобрун

и дало толчок мезенскому сказителю для создания былинного локуса *царство Малобруново*.

Еще одно произведение древнерусской литературы, которое вступало во взаимодействие с устной эпической поэзией, – «Повесть о Еруслане Лазаревиче», замешанная на фольклорных мотивах¹¹. Следует подчеркнуть, что сюжет о Еруслане Лазаревиче занял особое место в фольклорной традиции. «Повесть о Еруслане Лазаревиче» нашла подробное освещение в монографии Л. Н. Пушкарева [18]¹². Исследователь обозначил фольклорный путь Еруслана Лазаревича на русской почве: рукописная Повесть (XVII век) → лубочная сказка (с конца XVIII века) в разных редакциях → устная сказка → былина на сюжет о Еруслане. Последнее звено в цепочке (былины на сюжет о Еруслане) – это то принципиально новое, что отличает бытование сюжета в устной традиции от «Повести о Бове» и «Повести об Андрее Критском».

Еруслан Лазаревич, воспринятый из лубка, что вполне ожидаемо, оказался чрезвычайно популярным в сказочной традиции. В Указателе сказочных сюжетов зарегистрировано 24 устных варианта (СУС – 650В* «Еруслан Лазаревич»). Мы хотели бы обратить внимание на разные тенденции в освоении лубочной книжки двумя принципиально разными жанрами – сказкой и былиной. Конечно, во многих вариантах сказочники стремятся максимально точно повторить все особенности лубочной сказки (см., например, сказку с Терского берега Белого моря – Балашов, № 81), включая топоним Картаусово царство. Однако в других текстах сказка, с отсутствием в ней установки на историческое пространство, опускает все топонимы. Так, в рязанском тексте сохранены имена Лазаря Лазаревича, Еруслана Лазаревича, детские игры героя, добывание богатырского коня у Ивашки пастыря, змеборство, встреча с Раслановой головой, женитьба Еруслана по указанию Раслана, исцеление ослепленного отца (Смирнов. Вып. 2. С. 611–613). При этом, повторим, в тексте нет ни одного географического названия.

Как мы уже сказали, богатырский образ Еруслана Лазаревича, представленный в Повести и сказке, дал некоторым сказителям основание для создания былин-новообразований на данный сюжет. Еще А. Д. Григорьеву некоторые сказители указывали на то, что слышали былину о Еруслане Лазаревиче. Так, некий старик Моисей из д. Печь-Гора Архангельского уезда сообщил собирателю, что на Кедах он слышал такого рода былину (Архангельские былины 1904: 148). В д. Дорогая Гора на Мезени, по словам А. Д. Григорьева, также певали о Еруслане (Архангельские былины 1910: 130–131).

Варианты былины о Еруслане были записаны уже в советское время. Следует отметить, что все зафиксированные тексты используют только часть мотивов и сюжетных поворотов, имеющих в Повести. Так, былина зимнебережной сказительницы А. В. Стрелковой «Про Еруслана Лазаревича» построена на мотиве «бой отца с сыном», хорошо известном русскому эпосу (былина «Илья Муромец и Сокольник»): Еруслан Лазаревич женится на прекрасной Василиске Вахрамеевне; оставляет ее, она рождает сына Лазаря Еруслановича; герой, не узнав сына, вступает с ним в поединок. Сказительница использует в своем тексте топоним *царьско Вахрамеевско* – еще один пример фантазийных топонимов в былинах, сконструированный от имени царя Вахрамея, отца героини повести (БПиЗб, № 129, ст. 35, 139, 142).

Гораздо большее количество мотивов лубочной повести преобразует в песенно-эпический вид пудожский сказитель Г. А. Якушев: богатырское детство героя, калечащего в играх детей; изгнание его из царства; добыча богатырского коня и доспехов и пр. Из былины исключается эпизод освобождения героем царства Картауса от Данилы Белого и исцеления ослепленных родственников Еруслана. Повествование старины Г. А. Якушева, как и А. В. Стрелковой, сводится к одному из главных мотивов повести – «бой отца с сыном». В тексте Г. А. Якушева мы находим топоним, связанный с именем царя Картауса, – *город Картаульский*. Горожане приходят к отцу героя и требуют, чтобы он выслал из города своего сына, калечащего их детей:

«Вышли-ко Еруслана да Лазаря
Из того из города из *Картаульского*,
Пушай-то ходит, где, да ни шатайтсе!»
(Сок. – Чич., № 31, ст. 42–44; см. также: ст. 54).

Другой пудожанин, Ф. А. Конашков, явно отталкиваясь от сказки о Еруслане Лазаревиче, создал новый сюжет: царь Индии богатой посылает на стражу своих границ Ивашку Сорочинского; русский богатырь Данила Белый (в Повести это имя носит отрицательный персонаж) по просьбе своей дочери едет в Индию богатую, чтобы купить ей свадебные подарки; происходит поединок с Ивашкой, выясняется, что герои равны силой; Данила Белый объясняет цель своего путешествия в Индию богатую, Ивашка его пропускает; Данила покупает подарки (Сок. – Чич., № 92; повторная запись: Конашков, № 20).

Имеется также неопубликованная былина М. С. Крюковой о Еруслане Лазаревиче, рассмотренная наряду с названными записями А. М. Астаховой и Л. Н. Пушкаревым [3], [18: 138–155].

Нам важно отметить, что Еруслан в былинах выходит за рамки своего сюжета. Так, вопрос о влиянии Еруслана Лазаревича на образ Ильи Муромца был поднят еще В. Ф. Миллером, который отметил «смещение былинных подвигов Ильи Муромца с похождениями Еруслана»¹³. Мы же укажем на отражение в традиционных былинных сюжетах топонимов, сконструированных на основе «Повести о Еруслане Лазаревиче».

В кулойской былина «Иван Гоудинович» (запись О. Э. Озаровской в 1921 году в с. Карьеполье от сказителя Н. П. Крычакова) герой в поисках невесты отправляется не в традиционное королевство Литовское (что как-то соответствует исторической ситуации), а к королю Кортоусову в *Кортоусово царство*: «Отправлялся он тогда в *Кортоусово царство*» (Былины Кулоя, № 83, ст. 71; см. также: ст. 74).

Со сказителем Н. П. Крычаковым в самом начале XX века работал также А. Д. Григорьев. В записи этого собирателя Иван Гоудинович ищет невесту не в *Кортоусовом царстве*, а в городе *Чернигове*: «Я поеду жа во город да во *Чернигову*» (Былины Кулоя, № 82, ст. 37). *Кортоусово царство*, следовательно, в былинах Н. П. Крычакова появилось между 1901 и 1921 годами. Любопытно также то, что в полевой записи О. Э. Озаровской есть указание на *Чернигов*, возникшее, вероятно, после того, как собирательница переспросила плохо понятое ею название *Кортоусово царство*. Л. И. Петрова, подготовившая текстологические комментарии к публикации кулойских былин в Своде русского фольклора, описывает этот фрагмент полевой рукописи собирательницы следующим образом:

«...судя по правке в полевой записи, слово (Кортоусово. – Т. И.) первоначально не было понято собирательницей: первые два слога (до знака переноса) выправлены и перечеркнуты, слева обведено в кружок и вставлено на это место слово “Черниговец”; однако остались незачеркнутыми четко зафиксированные (после знака переноса) три последних слога: “усово”» (Былины Кулоя. С. 664).

Источник топонима *Кортоусово царство*, без сомнения, «Повесть о Еруслане Лазаревиче» (XVII век). Согласно Повести, главный герой связан с царем Картаусом родственными отношениями. Один из списков (XVII век) Повести начинается строками: «Бысть в *царствѣ Картауса Картаусовича* дядюшка ево, князь Лазарь Лазаревичь, а жена у него Епистимия, а сына родила Еруслана Лазаревича» (Повесть о Еруслане Лазаревиче 1988: 301). Один из эпизодов Повести рисует, как Еруслан Лазаревич освобождает от Данилы Белого *Картаусово царство* («И поехал Еруслонъ Лазаревичь х *Картаусову*

царству, ажно *Картаусово царство* пусто, по- пленено, и огнемъ пожжено, и мхом поросло» (Повесть о Еруслане Лазаревиче 1988: 312)) и исцеляет магической мазью ослепленных царя Картауса и своего отца Лазаря Лазаревича.

Нам важно отметить, что топоним *Картаусово царство* в песенном эпосе начинает жить самостоятельной жизнью – вне зависимости от сюжета о Еруслане. Названное нами *Кортоусово царство* кулойского сказителя Н. П. Крычкова зарегистрировано в традиционном сюжете «Иван Годинович».

Из «Повести о Еруслане Лазаревиче» в былинной традиции родился еще один топоним – *Подсолнечное царство*. По сюжету Повести, освободив от Данилы Белого свое родное Картаусово царство, Еруслан Лазаревич едет в Дербию-град к царю Варфоломею, убивает Чюдо (= Змея), угрожающее царству, женится на Настасье Прекрасной, но узнает, что в «Девичьем царстве, в *Солнышном граде*» (Повесть о Еруслане Лазаревиче 1988: 320) живет красавица краше его жены. Еруслан Лазаревич отправляется в Солнечный город, живет с новой царевной и забывает свою жену Настасью Прекрасную, родившую ему сына Еруслана Еруслановича (далее развернется коллизия «бой отца с сыном»). Впрочем, образ Солнечного (Подсолнечного) локуса известен не только в «Повести о Еруслане Лазаревиче», но и в русских народных сказках. Например, на Выгозере М. М. Пришвин от сказочника Мануйлы Петрова записал сказку «Иван-царевич в Подсолнечном царстве», опубликованную в сборнике Н. Е. Ончукова (Ончуков, № 166). Это сюжет СУС 551 «Молодильные яблоки» о престарелом царе, пожелавшем, чтобы ему из *Подсолнечного царства* привезли «молодецкие яйца».

Солнечный город «Повести о Еруслане Лазаревиче» и *Подсолнечное царство* сказки и дали толчок к созданию локуса *Подсолнечное царство* в былине-новообразовании «О царстве Подсолнечном, царе Иване Васильевиче и царевиче Федоре Ивановиче», записанной в единственном варианте в Кижях от сказителя А. Е. Чукова. Это произведение построено на сказочных сюжетах «Деревянный орел» (СУС 575) и «Царь и купеческая дочь» (СУС 873): искусный мастер для царя Василия Михайловича делает «орла самолетного», на котором сын царя Иван Васильевич улетает в *Подсолнечное царство*; он тайно посещает запертую в высоком тереме царевну Марью Лиховидьевну, она рождает сына Федора Ивановича; Иван Васильевич отдает ребенка бабушке-задворенке, оставив сыну царский перстень; выросший Федор Иванович, став приказчиком, влюбляется в Анну Дмитри-

евичну, невесту Ивана Васильевича; голи кабацкие доносят грозному царю Ивану Васильевичу (явный отголосок имени героя исторических песен XVI века) о тайных свиданиях его невесты; он приказывает схватить приказчика и казнить, но по царскому перстню узнает в своем сопернике сына; Федор Иванович женится на Анне Дмитриевичне, а сам Иван Васильевич на царевне Подсолнечного царства, получающей в конце старины былинное имя Марья Лебедь Белая.

В былине А. Е. Чукова читаем о Иване Васильевиче:

«Прилетел он в *царство под солнышком*,
Слезает с орла самолетного
И начал по *царству* похаживать,
По *Подсолнечному* погуливать»

(Рыбников, т. 1, № 37, ст. 65–68;
см. также: ст. 69, 105).

Соответственно властитель царства, царь Лиховид Лиховидьевич, именуется «царем Подсолнечным» (ст. 111, 112).

А. Н. Веселовский былинку о Подсолнечном царстве вписывает в широкий круг западноевропейских средневековых литературных произведений, в которых одним из главных является мотив красавицы, запертой в башне (подвале) и охраняемой от посягательств мужчин. Истоки этого мотива, считает исследователь, надо искать на Востоке, откуда он двигался в Европу и на Русь. Русская былина о Подсолнечном царстве есть производное от сказки. В былине сказочный материал прикрепляется к историческим именам Московских великих князей: Василий Михайлович (правильно: Василий Иванович, то есть Василий III (1479–1533), великий князь Московский в 1505–1533 годах); грозный царь Иван Васильевич, то есть Иван IV Грозный (1530–1584), великий князь Московский и царь всея Руси в 1533–1584 годах; его сын Федор Иванович (1557–1598), царь в 1584–1598 годах, последний правитель из династии Рюриковичей. А. Н. Веселовский писал:

«...сюжет Подсолнечного царства перешел из сказки в былины, когда, отвечая какому-то народно-поэтическому требованию, исторические деятели дали свои имена безымянным и беспочвенным героям сказки»¹⁴.

В былине-новообразовании о Подсолнечном царстве столкнулись две тенденции: с одной стороны, активное прорастание в эпосе занимательного начала (отсюда былинная обработка сказочного сюжета), с другой – попытка законсервировать важнейшую функцию эпоса – историческую память русского народа (отсюда имена реальных исторических лиц).

Былины М. С. Крюковой, большой любительницы чтения лубочной литературы, особенно ее былины-новообразования, то есть произведения, созданные на основе сказочных сюжетов, требуют дальнейшего детального изучения. Мы пока позволим себе остановиться на одной ее старине, являющейся песенно-эпическим переложением лубочной книжки.

В репертуаре Марфы Крюковой имеется старина «Рында», записанная А. В. Марковым в 1901 году и републикованная в Приложении к 9-му тому Свода русского фольклора (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 33, 33а). Второй вариант этого же произведения, гораздо более полный, с приключениями не только Рынды, но и его сына Гарвеса («Гарвес»), был записан в 1934 году В. П. Чужимовым (Чужимов, «Гарвес» 1936: 119–151). «Рынду» упоминает Н. В. Васильев в статье «Беломорские былины и Повесть Петровского времени», отметив, что это произведение является «несомненно переделкой какой-то повести, пока мне неизвестной»¹⁵. Не выяснила источник «Рынды» и А. М. Астахова, указав только, что былина М. С. Крюковой является «обработкой волшебного-рыцарского повествовательного сюжета» [2: 214]¹⁶. В Своде русского фольклора комментарии ограничиваются также общими словами о некоем литературном источнике.

В результате наших разысканий было установлено, что источник «Рынды» («Гарвеса») – это анонимная авантюрно-рыцарская повесть «Заколдованный чародейственный замок, с приключениями знатного рыцаря Гарвеса» (М., 1883). В каталоге Российской национальной библиотеки зарегистрированы напечатанные в издательстве А. И. Манухина издания 1866, 1870, 1873, 1879 и 1883 годов, причем последнее названо восьмым изданием. «Заколдованный замок» – типичная рыцарско-волшебная повесть с запутанной интригой и нагромождением приключений героев. Князь Курсив «из Смурой чарованной земли» едет «искать рыцарской отваги» в замок, славящийся своими рыцарями; вступает в поединок с рыцарями, побеждает всех; на поединок с ним выезжает рыцарь Рында, которого Курсив пленяет и отвозит к себе в замок. Сестра Курсива, прекрасная Флорида, и Рында полюбили друг друга; состоялась свадьба. Соскучившись по родному замку Фортелю, Рында решает съездить на родину, чтобы затем вернуться к Флориде, но на обратном пути не может найти «очарованную землю» Курсива и возвращается домой. Далее начинается новый поворот сюжета – героем становится сын Рынды Гарвес, которого в отсутствие мужа родила Флорида.

Пройдя рыцарское обучение, Гарвес решает найти своего отца. Он приезжает в замок Фортель; его принимают в круг рыцарей; Рында покровительствует Гарвесу. Во время рыцарского турнира на пир является незнакомка, которая просит помощи, чтобы защитить ее родной город Херостин. Помочь девушке вызывается Гарвес. Они едут в Херостин; по пути Гарвес вступает в несколько поединков, освобождает от великанов девушку и пр. Спутница Гарвеса рассказывает историю Херостинской земли. Хозяина земли рыцаря Кохининского убил его воспитанник Жуан, являющийся «заклятым волшебником». Земля Херостинская превратилась в груды камней. Из замка Кайну выходит таинственный змей алого цвета. Тот, кто освободит Херостин от злодея Жуана, станет супругом прекрасной Мары, дочери бывшего властителя земель. Гарвес приезжает в замок Кайну, восхищается красотой Мары. В лесу он находит змея алого цвета, который на его глазах превращается в человека – это убитый Жуаном хозяин замка, отец Мары. Он дает герою волшебную ветку тополя, которая должна спасти Гарвеса от яда змея (по-видимому, другого). Гарвес вступает в бой со змеем, убивает его; затем сталкивается в пещере с ведьмой; описывается еще ряд его мелких приключений. Гарвес не может найти обратную дорогу в Херостин, где живет Мара. Наконец, он приезжает в роскошный замок Жуана и одерживает победу над чародеем. После этого герою открывается путь в Херостин. Далее повествование разворачивается уже не в подробностях, а прописывается скороговоркой. На свадьбу Гарвеса и Мары приезжает Рында; он получает известие, что его жена Флорида скончалась от тоски по мужу. Мара родила Гарвесу сына Проспера; Рында воспитывает внука. Когда Просперу исполнилось 23 года, он женится на красавице из Ардабарской земли.

Эта волшебное-авантюрная повесть, надо полагать, стала одной из любимейших книг Марфы Крюковой. Без сомнения, она перечитывала ее ни один раз. В своем «Гарвесе» сказительница повторяет все ключевые повороты коллизии повести, равно как и основной антропонимический ряд. Правда, у Марфы Крюковой Курсив превращается в Крусива, а Проспер в Пересвета. Нам важно обратить внимание на топонимы в ее «Рынде» и «Гарвесе». Опуская некоторые топонимы повести, сказительница активно использует географические имена *Крусив город* и *Херостин*. См.: «И дошла то эта славушка / До Крусива славна хорода, / До того ли князя Крусивского» (Чужимов, «Гарвес», ст. 39–41);

«Тогда поехали боһатыри / Во славной *город-от Крусивской же*» (ст. 277–278; см. также: ст. 79, 581, 586, 905 и др.). В «Рынде» мы находим тот же **Крусив славный город** (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 33, ст. 40, 69, 84, 119, 122, 221; см. также: № 33а, ст. 8, 9) и **Крусинскую землю** (№ 33, ст. 30).

Любопытно осмысление Марфой Крюковой лубочного топонима *Херестин*. Безымянная (как и в повести) девушка, приехавшая просить у рыцарей защиты для своей страны, представляется следующим образом:

«Моя мать-то есь княгина,
Как вдова она вдовет двенацать лет,
Отец родитель был-от мой
Херестина славна города»
(Чужимов, «Гарвес», ст. 1294–1297; см. также: ст. 1360, 1528–1529, 1531, 1586 и др.).

В этом месте своей старины сказительница сделала примечание: «Херестин, такой город Христиан есь в Норвеге» (Чужимов, «Гарвес», С. 133). Скорее всего, лубочный топоним в сознании Марфы Крюковой оказался связанным с именем реального норвежского города Христиансанда (Кристиансана), своеобразной столицы Южной Норвегии. Город назван в честь одного из норвежских королей, которые, как известно, в подавляющем большинстве носили имя Христиан (Кристиан). Для поморов, напомним, плавание в Норвегию было обычным делом, могли они побывать и на юге страны в Кристиансане. Любопытная Марфа Крюкова от кого-то из своих земляков и узнала название этого города, связав его с лубочным топонимом из «Заколдованного замка».

Топоним *Херестин город* у Марфы Крюковой вышел за пределы «Гарвеса». Она использует его и в своей былине «Женитьба Пересмякина племянника», напомним, основанной на «Истории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли». Флоренская земля «Истории» в былине Марфы Крюковой становится городом **Херестином** (**Харастин**, **Христин**) в **Херестинской земле**: «Во славном-то городе *Христине* было, / У того ли у князя *Херестинского*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 32, ст. 58–59; см. также: ст. 73, 115, 136, 150, 156). Заметим также, что в других вариантах Марфы Крюковой (№ 32б и 32в) этого же произведения (с существенно измененным сюжетом) топоним *город Херестин* не употребляется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление фантазийных топонимов, повторим еще раз, является следствием затухания в песен-

ном эпосе функции исторической памяти. Проекция былин на Киевскую Русь, столь важная для носителей эпической традиции, связывающая их с глубоким прошлым этноса, постепенно отходит на второй план. Все чаще и чаще начинает доминировать функция развлечения, требовавшая сюжетного и персонажного разнообразия. Процессы рождения нового топонимического поля зарегистрированы практически во всех регионах Русского Севера: в Заонежье, на Пинеге, Кулое, Мезени, Зимнем берегу Белого моря.

Эффективным источником фантазийных топонимов на позднем этапе существования былинной традиции стала рукописная традиция Повестей и их лубочных изданий (переделок). В области пространства в былинах прочитываются следы «Повести об Андрее Критском», «Повести о Еруслане Лазаревиче», «Повести о Бове-королевиче», «Истории о российском матросе Василии Кориотском». Этот факт в очередной раз свидетельствует о взаимопроницаемости устной и письменной составляющих в традиционной культуре русского народа.

Фантазийные топонимы, порожденные лубочной литературой, образуют пространство не только былин-новообразований («Подсолнечное царство», «Женитьба Пересмякина племянника», «Рында», «Гарвес», «Еруслан Лазаревич»), но и становятся элементами пространства традиционных сюжетов («Козарин», «Иван Годинович», «Волх Всеславьевич», «Вольга и Микула», «Василий Игнатьевич и Батыга», контаминация былин о Добрыне: «Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем», «Добрыня и Алеша» и «Добрыня и Змей»).

Продуктивной моделью создания фантазийных топонимов является конструирование имен локусов от имен персонажей, правящих в данной земле: король Кортоус – Кортоусово царство; князь Крусив – Крусив город и Крусинская земля. Такие топонимы, как Малобруново царство и Милитрийские острова также являются производными от антропонимов, правда, не названных в былинах (Маркобурн, Милитриса Кирбительвна).

Фантазийные географические имена обозначают в былинах далекие локусы, где герои находят свою суженую (Кортоусово царство, Подсолнечное царство, Крусив город, Херестин город). По мере разрушения эпической традиции топонимы, рожденные из лубка, проникают и в русский мир. Теряя привязку к Киевскому миру, былины родиной русских богатырей (Козарин) делают землю Критскую или Флоренский город.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архангельские былины 1904 – Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. М.: Университетская тип., 1904. Т. 1. 706 с.
- Архангельские былины 1910 – Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. СПб.: Тип. АН, 1910. Т. 3. 730 с.
- Балашов – Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. 447 с.
- БПиЗб – Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 606 с.
- Былины Зимнего берега – Былины Зимнего берега Белого моря / Изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков; Отв. ред. тома А. Н. Власов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. 995 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 8).
- Былины Зимнего берега. Крюкова – Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова / Изд. подгот. М. В. Рейли, Ю. И. Марченко, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2020. 1703 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 9).
- Былины Мезени – Былины Мезени / Корпус текстов и коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003. – 530 с.; 2004. – 715 с.; 2006. – 599 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 3–5).
- Былины Кулоя – Былины Кулоя / Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. 922 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 6).
- Былины Пинеги – Былины Пинеги / Изд. подгот. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли. СПб.: Наука; М.: Классика, 2012. 973 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 7).
- История о российском матросе – История о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли. XVIII век. Петровская эпоха. М.: [И. Д. Сытин], 1914. 44 с. (Б. И. Дунаев. Б-ка старорусских повестей).
- Заколдованный замок – Заколдованный чародейственный замок, с приключениями знатного рыцаря Гарвеса. 8-е изд. М.: Манухин, 1883. 70 с.
- Зеленин – Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина / Изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 583 с.
- Конашков – Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вступ. статья и коммент. А. М. Линевского. Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1948. 210 с.
- Ончуков – Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908. XLVIII, 646 с. (Зап. имп. Рус. геогр. об-ва по Отд-нию этнографии; Т. 33).
- Повесть об Андрее Критском – Повесть об Андрее Критском / Подгот. текста и коммент. М. Н. Климовой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 270–274, 640–641 (примеч.).
- Повесть о Бове Королевиче – Повесть о Бове Королевиче / Подгот. текста и коммент. А. М. Панченко // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 275–300, 641–643 (примеч.).
- Повесть о Еруслане – Повесть о Еруслане Лазаревиче / Подгот. текста и коммент. Н. С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 301–322, 643–645 (примеч.).
- Рыбников – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1989. Т. 1. 527 с.
- Смирнов – Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества / Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 2. С. 507–990. (Зап. Рус. геогр. об-ва по Отд-нию этнографии; Т. 44 (2)).
- Сок. – Чич. – Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч., и словарь В. И. Чичерова. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1948. 937 с. (Летописи Гос. лит. музея; Кн. 13).
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Чужимов, «Гарвес» – Чужимов В. П. Новые записи былин в Поморье // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1936. Вып. 2/3. С. 119–151.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Список сокращений названий сборников текстов.

² Об этнографических основах Эдипова сюжета см. в статье В. Я. Проппа [15]. Тема инцеста, нашедшая место в различных памятниках мировой словесности и фольклора, имеет довольно большую научную литературу. См., например: Костомаров Н. И. Легенда о кровосмесителе // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1872. Т. 1. С. 303–311; Яцимирский А. И. К славянским легендам о кровосмешении // Пошана: Сб. Харьковского Историко-филологического общества, изданный в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1909. Т. 18. С. 404–411.

³ См. о повести: Веселовский А. Н. Андрей Критский в легенде о кровосмесителе и сказание об апостоле Андрее // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Т. 239, № 6. С. 231–237; Гудзий Н. К. К легендам о Иуде Предателе и Андрее Критском // Русский филологический вестник. Варшава, 1915. № 1. С. 3–30 (с публикацией текста Повести); [6], [8], [9], [10].

- ⁴ См. о былине «Козарин» в связи с темой инцеста в трудах Б. Н. Путилова: [16], [17: 223–230 (гл. «Былина о Михаиле Козарине и ее связь с фольклорной темой инцеста»)].
- ⁵ См. публикацию одного из списков середины XVIII века [14].
- ⁶ См. о Повести о Бове: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. 2. Славяно-романский отдел. СПб., 1888. С. 229–305 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности; Т. 44, № 3). Здесь же дана публикация одного из списков: Приложение. С. 237–262. См. современное научное издание Повести (Повесть о Бове Королевиче 1988: 275–300, 651–643 (примеч.)).
- ⁷ Васильев Н. В. Беломорские былины и Повесть Петровского времени // Этнографическое обозрение. 1904. № 3. С. 51–63.
- ⁸ Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII вв. СПб.: А. С. Суворин, 1889. С. 165–190.
- ⁹ Васильев Н. В. Беломорские былины и Повесть Петровского времени... С. 58.
- ¹⁰ Обе гипотезы излагает А. М. Астахова [2: 217].
- ¹¹ См. из исследований фольклорной основы повести: [5]; Капица Ф. С. «Повесть о Еруслане Лазаревиче» как образец жанра сказочной повести XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- ¹² См. также: [4].
- ¹³ Миллер В. Ф. Материалы для истории былинных сюжетов // Этнографическое обозрение. 1892. № 1. С. 120–130 (разд. IV. Илья Муромец и Еруслан).
- ¹⁴ Веселовский А. Н. Сказания о красавице в тереме и русская былина о Подсолнечном царстве // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Ч. 196, № 4, Отд. Науки. С. 238.
- ¹⁵ Васильев Н. В. Беломорские былины и Повесть Петровского времени... С. 57.
- ¹⁶ См. более подробный анализ «Рынды» («Гарвеса») в статье А. М. Астаховой: [1: 154–156].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астахова А. М. К новым записям былин в Поморье // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1936. Вып. 2/3. С. 153–158.
- Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск: Гос. изд-во Карел.-Фин. ССР, 1948. 396 с.
- Астахова А. М. К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслане // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 504–509.
- Каган М. Д. Повесть о Еруслане Лазаревиче // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб.: Наука, 1998. Ч. 3. С. 115–118.
- Капица Ф. С. Фольклорные мотивы в сказочной повести XVII века (на примере «Повести о Еруслане Лазаревиче») // Фольклорные традиции в русской и советской литературе. М.: Мос. гос. пед. ин-т, 1987. С. 44–51.
- Климова М. Н. Опыт текстологии Повести об Андрее Критском // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 46–61.
- Климова М. Н. Повесть об Андрее Критском и фольклор: (некоторые аспекты сопоставительного анализа) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 27–38.
- Климова М. Н. О художественном своеобразии Повести об Андрее Критском // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск: Наука, 1985. С. 41–51.
- Климова М. Н. Повесть об Андрее Критском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Л.: Наука, 1989. Ч. 2. С. 211–214.
- Климова М. Н. «Эдипов сюжет» в древнерусской литературе (повести о кровосмесителе) // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 22–34.
- Кляус В. Л. Сюжет АТУ/СУС 931 («Эдип» / «Кровосмеситель») в устной словесности Забайкальского российско-китайского пограничья // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 3. С. 308–326.
- Кузьмина В. Д. Русская сказка о Бове-королевиче в лубочных изданиях XVIII – нач. XX века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 185–192.
- Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златые ключи. М.: Наука, 1964. 344 с.
- Моисеева Г. Н. Гистория о российском матросе Василии Кириацком (к вопросу о составе и происхождении повести) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 10. С. 358–388.
- Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 258–299.
- Путилов Б. Н. История одной сюжетной загадки (Былина о Михаиле Козарине) // Вопросы фольклора. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1965. С. 9–21.
- Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971. 315 с.
- Пушкарев Л. Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М.: Наука, 1980. 183 с.
- Салмина М. А. Повесть о Бове // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Л.: Наука, 1989. Ч. 2. С. 220–222.

Поступила в редакцию 26.09.2022; принята к публикации 16.01.2023

Tatyana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) (St. Petersburg, Russian Federation) tgivanova@inbox.ru

LUBOK LITERATURE AND ITS INFLUENCE ON CONSTRUCTION OF SPACE IN RUSSIAN FOLK EPICS

Abstract. The article deals with fantasy (fictional) toponyms that penetrate into Russian folk epics at the late stage of their development, which is a reflection of the fading function of historical memory in the song epics. The handwritten tradition of epic tales and their popular lubok versions was an effective source of fantasy toponyms. In terms of space in epics, one can find some traces of “The Tale of Andrew of Crete”, “The Tale of Yeruslan Lazarevich”, “The Tale of Prince Bova” and “The Story about the Russian Sailor Vasily Koriotsky”. This fact once again testifies to the mutual permeability of the oral and written components of the traditional culture of the Russian people. Fantasy toponyms generated by popular lubok literature not only form the space of newly created epics (“The Sunflower Kingdom”, “The Marriage of Peresmyaka’s Nephew”, “Rynda”, “Garves”, “Yeruslan Lazarevich”), but also become the elements of the space of traditional plots (“Kozarin”, “Ivan Godinovich”, “Volkh Vseslavyevich”, “Volga and Mikula”, “Vasily Ignatyevich and Batyga”, blended epics about Dobrynya: “The Fight of Dobrynya Nikitich with Ilya Muromets”, “Dobrynya and Alyosha” and “Dobrynya and the Serpent”).

Key words: folk epics, space in epics, epic toponyms, old Russian tales, lubok fairy tales

For citation: Ivanova, T. G. Lubok literature and its influence on construction of space in Russian folk epics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):58–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.887

REFERENCES

1. Astakhova, A. M. Newly recorded folk epics in Pomorye. *Soviet folklore: Collection of articles and materials*. Moscow; Leningrad, 1936. Issue 2/3. P. 153–158. (In Russ.)
2. Astakhova, A. M. Russian folk epics in the North. Petrozavodsk, 1948. 396 p. (In Russ.)
3. Astakhova, A. M. Reflections of the tale of Yeruslan in Russian folk epics. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1958. Vol. 14. P. 504–509. (In Russ.)
4. Kagan, M. D. The Tale of Yeruslan Lazarevich. *Dictionary of scribes and booklore of Ancient Russia. XVII century*. St. Petersburg, 1998. Ch. 3. P. 115–118. (In Russ.)
5. Kapitsa, F. S. Folklore motifs in fairy tales of the XVII century (using the example of “The Tale of Yeruslan Lazarevich”). *Folklore traditions in Russian and Soviet literature*. Moscow, 1987. P. 44–51. (In Russ.)
6. Klimova, M. N. The experience of textual history of “The Tale of Andrew of Crete”. *Old Russian handwritten books in Siberia*. Novosibirsk, 1982. P. 46–61. (In Russ.)
7. Klimova, M. N. “The Tale of Andrew of Crete” and folklore: (some aspects of comparative analysis). *Manuscript tradition of the XVI–XIX centuries in the east of Russia*. Novosibirsk. 1983. P. 27–38. (In Russ.)
8. Klimova, M. N. On the artistic originality of “The Tale of Andrew of Crete”. *Monuments of literature and social thought of the feudal era*. Novosibirsk, 1985. P. 41–51. (In Russ.)
9. Klimova, M. N. The Tale of Andrew of Crete. *Dictionary of scribes and booklore of Ancient Russia*. Issue 2 (the second half of the XIV – XVI centuries). Leningrad, 1989. Part 2. P. 211–214. (In Russ.)
10. Klimova, M. N. “Oedipus plot” in Russian ancient literature (stories about an incestuous person). *Siberian Journal of Philology*. 2008;3:22–34. (In Russ.)
11. Klyaus, V. L. The plot ATU/SUS 931 (“Oedipus” / “Incest”) in the oral literacy of the Transbaikal Russian-Chinese borderland. *Studia Litterarum*. 2020;5(3):308–326. (In Russ.)
12. Kuzmina, V. D. The Russian tale of Prince Bova in its lubok versions of the XVIII – the early XX century. *Research and materials on Ancient Russian literature*. Moscow, 1961. P. 185–192. (In Russ.)
13. Kuzmina, V. D. Chivalric romance in Russia: Bova, Peter the Golden Keys. Moscow, 1964. 344 p. (In Russ.)
14. Moiseeva, G. N. The Story about the Russian Sailor Vasily Kiriatsky (the composition and origin of the story). *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1954. Vol. 10. P. 358–388. (In Russ.)
15. Propp, V. Ya. Oedipus in the light of folklore. *Propp, V. Ya. Folklore and reality: Selected articles*. Moscow, 1976. P. 258–299. (In Russ.)
16. Putilov, B. N. The story of a plot riddle (Epic about Mikhail Kozarin). *Topics in the Study of Folklore*. Tomsk, 1965. P. 9–21. (In Russ.)
17. Putilov, B. N. Russian and South Slavic heroic epic: A comparative typological study. Moscow, 1971. 315 p. (In Russ.)
18. Pushkarev, L. N. The Tale of Yeruslan Lazarevich. Moscow, 1980. 183 p. (In Russ.)
19. Salmina, M. A. The Tale of Bova. *Dictionary of scribes and booklore of Ancient Russia*. Issue 2 (the second half of the XIV – XVI centuries). Leningrad, 1989. Part 2. P. 220–222. (In Russ.)

Received: 26 September 2022; accepted: 16 January 2023